

КРЕАТИВНОЕ ОТРИЦАНИЕ ВЕРОЯТНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ¹

CREATIVE NEGATION OF PROBABILITY AND OF POSSIBILITY

В. З. Демьянков

V. Z. Demyankov

*Размытость характеризует семантику как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитные «загородки» типа **возможно, правдоподобно и вероятно**, как и их эквиваленты в западноевропейских языках, используются в целях вербальной манипуляции, в том числе, в политическом и обычном дискурсе. В отличие от эксплицитных «загородок», имплицитные не акцентируют сомнения или нерешительность говорящего или даже затушевывают их, а также не выдвигают на передний план конкуренцию точек зрения. Метафоры как одна из важнейших разновидностей имплицитных загородок, в которых оценочность подана очень неявно и бывает скрыта даже от самого говорящего, могут повлиять на подсознание аудитории, иногда радикально меняя предпочтения и общепринятые мнения. Интересно, что отрицательные формы типа **невозможный и невероятный** по-русски двусмысленны: кроме прямого значения несуществования или неправдоподобия, они также используются в качестве эпитетов, обозначающих высшую степень. Например, **невероятная важность** обычно означает 'наибольшая важность'.*

*Fuzziness in language may be explicit or implicit. Explicit hedges like **probably, likely, and possibly** in Russian and in West-European languages belong to the class of manipulative means in all sorts of discourse, including political and everyday communication. Unlike explicit hedges, implicit ones do not stress doubt or hesitation, they do not typically openly confront concurrent views. Metaphors as a sort of implicit hedges, in which evaluation is deeply concealed, may influence sub-consciousness of the audience, sometimes drastically changing prevailing opinions. Interestingly, the negative forms **impossibly and improbably**, are ambiguous in Russian: besides their literal meaning of non-existence and unlikelihood, they are also used as epithets implying the highest degree.*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Thus, “*neveroyatno vazhnyj*” (literally, ‘of improbable importance’) normally means ‘of great importance’.

Ключевые слова: *эксплицитные vs имплицитные загородки; загородочное предисловие; семантическая размытость; возможность vs невозможность в русском языке; вероятность vs невероятность в русском языке; креативность отрицания.*

Key words: *explicit vs implicit hedge; hedge preface; semantic fuzziness; possibility vs impossibility in Russian; probability vs improbability in Russian; creativity of negation.*

1. ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ЗАГОРОДКИ

Выражения типа: *возможно, вероятно, вряд ли, наверняка* в лингвистической литературе называются «загородками» (hedges): они размывают смысл предложения, снижая категоричность и внося нечеткость (fuzziness) [Lakoff 1972: 195]. Из-за них иногда трудно говорить о безусловной истинности или ложности сообщений.

Есть два типа «загородок»: эксплицитные и имплицитные.

Приведенные выше выражения относят к **эксплицитным загородкам**. Эти выражения честно говорят адресату, что говорящий не собирается настаивать на истинности тех или иных суждений. Такие «загородочные предисловия» снижают степень манипуляции сознанием интерпретатора [Демьянков 2017]. О них речь пойдет в основной части данной заметки.

Но есть и имплицитные загородки. В. Н. Телия однажды заметила, что для манипулирования не обязательно прибегать к помощи явных загородочных предисловий: метафоры тоже могут исподволь передавать требуемые установки. Тогда загородка содержится внутри полнозначного элемента пропозиции, который осмысляется в троповом ключе: «Так, например, в метафоре возможно уподобление понятия о чуть заметном увеличении вероятности осуществления того, на что надеется субъект некоторой ситуации, — *луч, проблеск* (надежды), отождествление неприятного осознания конфликта с совестью как укола или угрызения (совести), синтез представления о глупости и свойств пробки (*Он — настоящая пробка*), восприятие ситуации пустых разговоров через такие образы-стереотипы, как *болтать, трещать, молоть языком*, человек привык считать, что сердце — орган

любви, сострадания и т. п., а глаза — зеркало души и т. д.» [Телия 1988].

Продолжая эту мысль, фигуры речи, в частности метафоры, можно отнести к классу **имплицитных загоронок** [Markkanen, Schröder 1992: 122]. Употребляя метафоры как визуализирующий инструмент объяснения того, что нельзя непосредственно увидеть и проверить, сам автор нечаянно может проговориться, против своей воли выдав глубоко скрываемые симпатии и антипатии.

Поэтому можно сказать, что имплицитные загородки выдают внутренний мир говорящего со всеми его потрохами, которые он не всегда хочет выставлять напоказ и которых он иногда просто стыдится. К эксплицитным же загородкам относятся языковые средства демонстративного (иногда и напускного) «дистанцирования» автора от подозрительных или нереспектабельных мнений.

Например, в качестве наживки в интернет-медиа используются надзаголовки, мягко выражаясь, не вполне соответствующие основному тексту. Так, прочитав анонс *Зейналова заявила о «40 тыс. погибших» от COVID-19 в РФ*, интернет-читатель сразу подумает, что известная своей правдивостью журналистка сообщила секретные данные: ведь на момент сообщения официально погибших было 45. Проследовав за ссылкой, к удивлению и облегчению своему прочитаем: *Зейналова оговорилась в эфире НТВ по теме COVID-19* (<https://news.rambler.ru/community>). Предикат *оговорилась* содержит имплицитную загородку, напрочь отсутствовавшую в надзаголовке. Судя по кавычкам в анонсе, автор заметки и сам честно сомневается в количестве, но полагает, что Зейналова выложила именно то, что знала.

Обе разновидности — эксплицитная и имплицитная — повышают фактическую и эмоциональную «ратифицируемость» высказывания [Hübler 1983: 23], представляя собой (как сказала бы В. Н. Телия) ту самую соломку, которую подстилают, предвидя возражения со стороны потенциальной аудитории.

2. Возможность / невозможность и вероятность / НЕВЕРОЯТНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Указанные типы «загородочного предисловия» в русском дискурсе объединяют нас с европейской традицией ратификации текстов и восходят к античности.

В латыни были две основы, соответствующие современным русским и западноевропейским наименованиям возможности. Одна из них — *possibilis*, от *poss-*, как в *possum* «могу», плюс суффикс *-ibilis*, прямой прародитель современного французского и английского *-ible / -able*, придающий производным прилагательным значение «способный». А другая основа — *probābilis*, от *prob-* плюс все тот же суффикс *-ābilis*. Основа *prob-* в глаголе *probo* (*āvī, ātum, āre*) имела множество значений, важнейшие из которых, по данным двуязычных словарей: 1) испытывать, пробовать, проверять, 2) одобрять, удовлетворяться, благоприятно отзываться, хвалить, 3) признавать, принимать, 4) рекомендовать, 5) ясно представлять, с очевидностью показывать, доказывать. Все эти значения связаны с «человеческим фактором» оценки бытия, указывают на человека как на главного контролера возможности.

Русские эквиваленты этих и подобных лексем неплохо принимают показатель отрицания, ср.: *возможный* — *невозможный*, *вероятный* — *невероятный* и т. п. Но лишь немногие допускают образование с *мало-*: *маловероятный*, *малоприемлемый*, *маловероятный*, *малоправдоподобный*. Так, даже в очень большом корпусе текстов исключительно редко встречаем *маловозможный* и в предикатной, и в атрибутивной роли; ср.: *Грек же отвечал, что вот именно и нужно сговориться, что это дело, пожалуй, неотложное, а что планы, насколько он понимает, сейчас маловозможны, беспокойны, да и сам Грибоедов едва ли не беспокойный, может быть даже сомнительный человек* (Ю. Н. Тынянов, *Смерть Вазир-Мухтара*, 1928); *Трудное, прямо-таки маловозможное занятие: ни оружия, ни времени* (В. Я. Шишков, Емельян Пугачев: Историческое повествование: Кн. 3, 1962).

Единичны случаи употребления эпитета *малоочевидный*, напр.: *И положительные результаты его пока малоочевидны* (М. Д. Розин, Научный комплекс Северного Кавказа, 2000). Прилагательное *малоожидаемый* встречаем в большом корпусе всего один раз: *Развитие сети дорог должно быть тщательно продумано с таким расчетом, чтобы даже малоожидаемый успех противника по нарушению стратегического сосредоточения не мог бы превратить сгружаемую армию в малоподвижную и беспомощную массу, не вмещаемую наличными дорожными путями* (М. Н. Тухачевский, Избранные произведения: В двух томах,

1964). Но нет *малоумислимый, *малопотенциальный, *малодопустимый.

Зато *маловероятный* допускает еще и сравнительную и превосходную степени сравнения: *маловероятнее* (но не **менеевероятный* в одно слово) и *маловероятнейший* (правильно и значительно чаще употребляется *наименее вероятный*). Пример первого случая: *Уверять, что я влюблен в вас, подобно гимназистам и юнкерам, было бы и глупо и неверно; сказать, что жизнь моя будет разбита или что-нибудь в подобном роде, что говорят обыкновенно, если встречают отказ, было бы еще глупей и маловероятней, и вы, конечно, посмеялись бы от души, Зоя Сергеевна, получив от меня подобные строки* (К. М. Станюкович, «Бесшабашный»: Из современных нравов, 1891). Пример второго (чрезвычайно редкого) случая: *Первое Чистое, которое он еще в Москве наметил для начала, было ближайшим к городу, доступнейшим и маловероятнейшим местом предполагаемого поселения* (Д. Быков, *Оправдание*, 2005).

Обработка большого разножанрового корпуса русских текстов показала следующую статистику.

1. При общем числе выделенных контекстов (примерно 1 404 тыс.) среди лексем без отрицания и без префиксоида *малодоминирует* по употребительности *возможный, возможность* и т. п. (примерно 760 тыс.), на втором месте — *вероятный, вероятность* и т. п. (примерно 180 тыс.), на третьем — *очевидный, очевидность* (примерно 170 тыс.), на четвертом — *правдоподобный, правдоподобие* и т. д. (менее 1 000).

2. Среди лексем с отрицанием доминируют *невозможный, невозможность* и т. п. (больше 200 тыс.), в 4 раза меньше — *невероятный, невероятность* и т. п. (примерно 56 тыс.), с еще большим отрывом идут *неправдоподобный, неправдоподобие* и т. п. (около 6,5 тыс.). И совсем редко — *неочевидный, неочевидность* и т. д. (около 650).

3. С префиксоидом *мало-* несомненными лидерами являются *маловероятный, маловероятность* и т. п. (меньше 5 тыс.), *малоправдоподобный, малоправдоподобие* и т. д. встречаются значительно реже (около 150), *маловозможный* — еще меньше (15), а *малоочевидный* и т. д. совсем мало (4).

Эти данные указывают на значительный перевес в пользу понятия возможности и его ближайшего конкурента, употребляю-

щегося в четыре раза реже, — вероятности. Оставлю на будущее, для следующей публикации более подробный анализ контекстов с нашими лексемами и попытку объяснить указанную несоразмерность: не сомневаюсь, читатель и сам готов сформулировать правдоподобные гипотезы. Отмечу только некоторые наиболее бросающиеся в глаза содержательные особенности их употребления.

Выясняется, что *невозможный* и *невероятный* в атрибутивной позиции не только отрицают возможность, вероятность и правдоподобие, но и подчеркивают уникальность того или иного предмета, качества или события. Так, в предложении *Забавны французики ужасно и чрезвычайно милы своей искренней веселостью, доходящей здесь до невероятных размеров* (Л. Н. Толстой, Письма, 1857) речь идет об очень больших размерах, но не о размерах, в природе отсутствующих: ведь в самом предложении предьявляется их образчик. В предикатной же позиции отрицание воспринимается «по номиналу», ср.: *А главное то хорошо, что предмет-то покажется всем невероятным, никто не поверит* (Н. В. Гоголь, Мертвые души: Поэма, 1842). Это подчеркивается квалификацией *никто не поверит*. То же верно и для прилагательного *невозможный*, означающего ‘несносный’, но не ‘небывалый’: *Генеральша слишком афиширует своего юнца любовника, невозможно балбеса* (К. М. Станюкович, Свадебное путешествие, 1902). При том, что бывают указания на буквальную невозможность в предложениях типа: *Не унывай: в природе возможно многое, что по взгляду кажется трудным и даже совсем невозможным* (Н. С. Лесков, Невинный Пруденций: Легенда, 1891). Ср. слова *невероятно* популярного в свое время шлягера: *Жизнь невозможно повернуть назад. И время ни на миг не остановишь* (И. Резник, Старинные часы, 1982).

Это свойство отсутствует у прилагательного *неправдоподобный*, с доминирующим буквальным смыслом ‘ненадежный, если не откровенно лживый’, напр.: *В действительности до всей этой абсолютно неправдоподобной «концепции» Белому не было никакого дела* (В. Ф. Ходасевич, Некрополь: Воспоминания, 1939). А тем более с *неправдоподобно* в предикатной позиции: *Если это и неправдоподобно, то все-таки весьма остроумно придумано* (Г. И. Успенский, Малые ребята, 1880); *Так смешно, так неправдоподобно, что вот я написал и боюсь: а вдруг вы, неведомые*

читатели, сочтете меня за злого шутника (Е. И. Замятин, Мы, 1920).

В некоторых случаях у наречий *невероятно* и *невозможно* имеем только семантику исключительности, напр.: *Это весь мир в невероятно ясном и красивом отражении* (Л. Н. Толстой, Письма, 1869). Однако *неправдоподобно* как модификатор эпитета таит в себе идею ненадежности восприятия, напр.: *Он откинул голову и неправдоподобно близко увидел над собой выходящий из пике ослепительно-серебряный хвост самолета* (Ю. Бондарев, Батальоны просят огня, 1957). Речь идет о том, что сам «видящий» не верит своим глазам. Ср. *невероятно близко* и *невозможно близко* в том же контексте, не наводящие на мысль о неуверенности лирического героя в качестве своего зрения.

То же происходит при употреблении оборотов типа *до невероятности*, *до невозможности*: *Мило, Анна Григорьевна, до невероятности; шьется в два рубчика: широкие проймы и сверху...* (Н. В. Гоголь, Мертвые души: Поэма, 1842); *Ради бережливости он уже снял стюжук и был в толстой вязаной фуфайке, засаленной и грязной до невозможности* (К. М. Станюкович, Похождения одного матроса: Подлинная история из далекого прошлого, 1899). Примеров с сочетанием *до неправдоподобия* в корпусе нет, но есть, и премного, с близкой, но иной комбинацией — *до неправдоподобности*: *<...> черты лица до неправдоподобности тонки, остры, за плечами треплются концы красного башлыка...* (И. А. Бунин, Русские дневники, 1918).

Аналогичное можно сказать об оборотах *в / при своей невероятности* и *в / при своей невозможности*, напр.: *В древности, о которой сохраняются ныне лишь темные, неправдоподобные, но дивные в своей невероятности воспоминания, как о времени мифическом, как об «Астрее», по выражению Гоголя, — в этой глубокой древности был обычай начинать критические статьи размышлениями о том, как быстро развивается русская литература* (Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы: Статьи 1, 7, 8, 9, 1856).

Единичный пример есть с похожим оборотом *в своей невозможности*: *Мы стремились спасти разум от агрессивной бессмысленности, спасти очаг неповторимой в своей невозможности жизни, и мы преуспели в своем стремлении: паразиты гибли, а мы гордились собой* (Ф. Чешко, Рассказы, 1991). Столь же редко

и в / при своем неправдоподобии: Все то, что ты сказал, — все это **неправдоподобно**, но именно в самом своем неправдоподобии может быть скрывает ужаснейшую правду... (П. Н. Краснов, Выпашь, 1931); ср.: Очень эффектна **при всем своем неправдоподобии** сцена похищения Стратиговны: Девгений три часа бесчинствует на дворе ее отца, вызывая его на поединок, разбивает копьем ворота, но Стратиг упрямо твердит, что в его двор не смеет залететь даже птица! (История русской литературы X—XVII вв. / Под ред. Д. С. Лихачева, 1979). Не чаще употребляется и вариант по своей неправдоподобности: Легенда, которую сочинил Сабирин, была чудовишна **по своей неправдоподобности**, но так как ее подтверждали несколько человек, то можно было, прикинувшись недоумком, особо не копаться в мелочах и не хвататься за концы, которые не сходились друг с другом (Н. Леонов, Гуров: Бросок Кобры, 1995).

Не означает ли это, что *невероятность* и *невозможность*, помимо прямого смысла, имеют еще и значение ‘высшее качество’, отсутствующее у существительного *неправдоподобие*, но имеющееся у существительного *правдоподобность*?

Возможны и другие направления небуквального истолкования этих прилагательных с отрицанием. Так, в предложении *Но я был взволнован мечтой **невозможной**; / Чего-то в прошедшем искал я тревожно, / Забытые спрашивал сны...* (А. Н. Апухтин, Стихотворения, 1961) *невозможная мечта* — мечта о невозможном, а не такая, которая «неправильно построена» (ср. *невозможное предложение*). Чем-то этот случай напоминает *невозможные требования* в смысле ‘требования, которые выполнить невозможно’, напр.: *Вы видите, что ваше требование невозможно при нашей жизни* (Н. Г. Чернышевский, Что делать?: Из рассказов о новых людях: [Черновая редакция романа, варианты, наброски], 1862).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая некомпозиционность значения прилагательных *невозможный* и *невероятный* в русском языке, можем сказать, что В. Н. Телия оставила **невероятно глубокий** след в нашей науке, в высшей степени фундаментальный и гуманитарный. Это отражается и на пристрастиях, с которыми мы сегодня подходим

к языковому материалу в нашей исследовательской деятельности, и на человеческих оценках, рано или поздно сказывающихся на самом выборе нашей проблематики.

Невероятно и невозможно лежат посередине между эксплицитным, осознанным нашим отношением, и нашим же имплицитным подсознанием.

Литература

- Демьянков В. З.* Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (053). С. 5–13.
- Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебrenников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
- Hübler A.* Understatements and Hedges in English. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1984. — 192 p.
- Lakoff G.* Hedges: A study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1972. Vol. 8. P. 183–228.
- Markkanen R., Schröder H.* Hedging and Its Linguistic Realizations in German, English and Finnish Philosophical Texts: A Case Study // Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén. Frankfurt am Main etc.: Lang, 1992. P. 121–130.